

RU

Юкагирская сказка о маленьком охотнике на лося: семантика образа (в сопоставлении с якутской сказкой)

Прокопьева П. Е.

Аннотация. Целью исследования является раскрытие семантики одного из персонажей устного народного творчества лесных юкагиров – маленького охотника на лося. Вариантные тексты юкагиров с данным персонажем анализируются в сопоставлении с якутским фольклорным материалом, где имеется аналогичный юкагирскому сюжет. Научная новизна состоит в выявлении исходного смысла образа маленького добытчика лося и отдельных элементов сюжета о нем в контексте этнографических данных, фольклористических исследований. В результате исследования показано, что действия героя характеризуют его как наделенного магическими умениями: он повелевает ветрами, связанными с разными сторонами света, и использует их для передвижения в пространстве, которое интерпретируется как путешествие по мирам; усиливает мысли материализует лодку и возвращается на ней домой, что восходит к переправе через водную преграду как границе между мирами; добывает лося, находясь внутри него, подобно обладающим сверхъестественными способностями. Символика этих поступков сопряжена с темами перехода в потусторонний мир, смерти и возрождения. В сюжете о маленьком промысловике мифологические коды скрыты за общим содержанием сказки, которая акцентирует внимание на внешних данных героя, в итоге погибающего нелепым образом. Смещение смыслов фольклорного повествования позволяет рассматривать сказку как шуточный сюжет, небылицу.

EN

The Yukaghir tale of the little moose hunter: Semantics of the image (in comparison with the Yakut fairy tale)

P. E. Prokopenva

Abstract. The purpose of the study is to reveal the semantics of one of the characters of the oral folk art of the forest yukaghirs – a small moose hunter. The variant texts of the Yukaghirs with this character are analyzed in comparison with the Yakut folklore material, where there is a plot similar to the Yukaghir one. The scientific novelty consists in revealing the original meaning of the image of the little elk hunter and individual elements of the plot about him in the context of ethnographic data, folklore studies. As a result of the study, it is shown that the actions of the hero characterize him as endowed with magical skills: he commands the winds associated with different sides of the world and uses them to move in space, which is interpreted as a journey through the worlds; with an effort of thought, he materializes a boat and returns home on it, which goes back to crossing a water barrier as the border between worlds; gets moose, being inside it, like those with supernatural abilities. The symbolism of these actions is associated with the themes of transition to the other world, death and rebirth. In the story of a small craftsman, mythological codes are hidden behind the general content of the fairy tale, which focuses on the external data of the hero, who eventually dies in an absurd way. The shift in the meanings of folklore narration allows us to consider a fairy tale as a humorous plot, a tall tale.

Введение

Многие аспекты сказочной прозы юкагиров: сюжетно-мотивный состав, система фольклорных персонажей, язык и др. – еще не становились предметом специального рассмотрения. Учеными в разной степени проанализированы отдельные герои юкагирского сказочного фольклора, такие как Ворон, Заяц, Сказочный Старик, Росомаха, мужские и женские первопредки и др. (Жукова, 2012; Мелетинский, 1979; Прокопьева, 2009; 2021), однако значение многих образов и связанных с ними сюжетных элементов остается невыясненным.

Сказки юкагиров, как и мировой сказочный фольклор, восходят к мифологическим представлениям. Е. М. Мелетинский подчеркивал: «Собственно сказочная семантика может быть интерпретирована только исходя

из мифологических истоков» (1979, с. 262). Генезис сказочной прозы коренных малочисленных народов Севера продолжает привлекать внимание ученых, которые отмечают ее архаичность, тесную связь с этнографическими реалиями и мифологическими воззрениями (Голованева, 2022; Кошкарева, Соловар, Плотников, 2023). К юкагирскому фольклору ввиду его мифологичности обращаются в междисциплинарных исследованиях, в частности при описании и реконструкции традиционных верований юкагигов (Жукова, 2022а). Сравнительно-сопоставительное изучение фольклора юкагигов и других народов позволяет определить общие мотивы, специфическое и универсальное в мифологических представлениях (Жукова, 2022b; Торокова, 2023). Таким образом, необходимость изучения действующих лиц, сюжетов, мотивов архаического северного фольклора с точки зрения семантики, важного для понимания природы и эволюции сказки, ее жанровых, художественных и семиотических особенностей, обусловило актуальность нашего исследования, посвященного сказке лесных юкагигов о маленьком добытчике лося.

Поставлены задачи: описать общее и частное в вариантах сюжета лесных юкагигов о маленьком охотнике на лося; сопоставить юкагирский и якутский сюжеты сказок о маленьком промысловике; выявить смысловое содержание мотивов и деталей этого сюжета; раскрыть семантику образа маленького охотника в контексте значения частей и элементов сюжета.

Материалом для исследования послужили следующие фольклорные источники:

- Жукова Л. Н., Прокопьева П. Е. Фольклорные тексты юкагигов Верхней Колымы // Язык – миф – культура народов Сибири: сборник научных трудов. Якутск, 1991. Вып. II.
- Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005а.
- Прокопьева П. Е. Устная несказочная традиция юкагигов. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2018.
- Якутские сказки: в 2-х т. / подгот. Г. У. Эргис. Якутск: Кн. изд-во, 1964-1967. Т. 1-2.
- Bogoras W. Tales of Yukaghir, Lamut and Russianized Natives of Eastern Siberia // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. N. Y., 1918. Vol. XX. Pt. 1.

Кроме того, в качестве материалов также привлекались следующие источники (Фольклор юкагигов..., 1989; Якутские народные сказки, 2008).

Теоретическую базу составили труды отечественных исследователей, где рассматриваются этнографические особенности и мифологические воззрения разных народов, семантика сказочных мотивов (Иохельсон, 2005а; 2005b; Жукова, 2012; 2022а; 2022b; Мелетинский, 1979; 2000; Новик, 2004; Пропп, 2000; Степанова, 2008). Так, в исследовании привлекались сведения по духовной культуре и мифологической картине мира юкагигов, собранные В. И. Иохельсоном и Л. Н. Жуковой, в частности представления о шаманах и шаманизме, о бинарных оппозициях. Для показа сравнительного этнографического и мифологического материала использованы работы Е. С. Новик и О. Б. Степановой, где изучается традиционное мировоззрение сибирских народов, таких как якуты, обские угры, селькупы. Для понимания семантики анализируемого юкагирского сюжета важны исследования В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, где говорится об истоках универсальных сказочных мотивов переправы, охоты изнутри.

Основными методами исследования стали: сравнительный, при помощи которого выявлены общие и частные черты вариантов юкагирской сказки о маленьком промысловике, юкагирской и якутской версий сюжета о нем, сопоставлены фольклорные и этнографические данные, показаны универсальные мифологические представления, и семиотический, позволивший исследовать знаковую организацию данного сюжета, что в итоге сделало возможным дать характеристику главному герою.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при изучении устного народного творчества юкагигов, в семиотических и сравнительно-сопоставительных исследованиях в области мифологии и фольклора.

Обсуждение и результаты

В фольклоре лесных, верхнеколымских, юкагигов существует несколько вариантов сказки о маленьком добытчике лося, который представлен как старик-Вошь (обычно) или старик-Куропатка (в одном варианте). По контексту непонятно, является ли герой непосредственно кем-то из них или это человек, носящий такие имена, но, вероятнее всего, он воспринимается как персонаж с зооантропоморфными признаками. Сказочные версии преимущественно объединяет следующий сюжет: герой вызывает с целью полета ветер или же уносится им; его съедает лось (олень); он изнутри убивает животное; встает на край кипящего котла и погибает, упав в него.

Варианты имеют следующие отличия.

В 1-м варианте, записанном в к. XIX в. В. И. Иохельсоном (2005а, текст № 10), двоеженец Пэмэ (Вошь) уносится ветром; добыч оленя изнутри него, силой мысли материализует лодку и возвращается на ней домой; его жены, обнаружив мужа в котле, от горя лишают себя жизни.

Другой вариант, записанный в 1959 г. (Фольклор юкагигов..., 1989, ч. 1, текст № 20), состоит из двух сюжетов: имеющий двух жен старичок-Вошь сам призывает ветры, один из которых доставляет его на охоту, а другой – возвращает; узнав о его смерти, старшая жена убивает себя, младшая же превращается в собаку, и одна старушка берет ее к себе; сын старушки прячется в доме, видит, что собака оборачивается в девушку и готовит еду; юноша обнаруживает себя, они женятся.

3-й вариант был записан в к. XX в. (Фольклор юкагигов..., 1989, ч. 1, текст № 33). Он рассказывает о старике-Куропатке и старушке-Лисичке, у которых, согласно песенной вставке, есть вшивая собака, наперсток с нартами, игла с шестом для управления упряжкой; в конце старушка-Лисичка, найдя в котле мужа, умирает от испуга.

В 4-м варианте, также зафиксированном в к. XX в., герой носит якутское имя Быт-быт-огоньор 'Старик Вошь - вошь', детали отправки на охоту и добычи лося изнутри него отсутствуют (Жукова, Прокопьева, 1991, текст № 22).

Что касается якутских версий сюжета, то там герой известен как старик Быт-быт 'Вошь-вошь', Куобах Кутуруга 'Заячий Хвост' (Якутские народные сказки, 2008, с. 229-233; Якутские сказки, 1964, т. 1, с. 181; 1967, т. 2, с. 195). Составители тома «Якутские народные сказки» пишут, что «общими мотивами для всех вариантов являются многоженство маленького старичка, его удачная охота на лося и неожиданная смерть» (Якутские народные сказки, 2008, с. 397). Также отмечается, что «варианты сказки о необычайно маленьком удачливом охотнике записаны во всех основных фольклорных районах Якутии» (Якутские народные сказки, 2008, с. 397).

Учитывая распространенность сказки о маленьком добытчике лося в якутском фольклоре и фиксацию его в одной локальной группе юкагигов – у лесных, можно предположить, что юкагирами данный сюжет был заимствован. Однако здесь мы не акцентируем внимание на этом вопросе, а предпринимаем попытку раскрыть семантику героя и сюжетных особенностей на юкагигском материале с привлечением аналогичных якутских сказок.

В целом надо заметить, что в какой-то мере юкагигские и якутские сюжеты о маленьком промысловике можно сравнить с типом из международного указателя сказочных сюжетов Аарне – Томпсона – Утера под номером 700 «Большой палец» о приключениях мальчика размером с большой палец. В этом сюжете имеется сегмент, где героя проглатывает корова (Uther, 2004, р. 374-375). Мотивы, входящие в структуру юкагигских вариантов сюжета о маленьком охотнике, обнаруживаются в фольклоре разных народов. В Аналитическом каталоге Ю. Е. Березкина, Е. Н. Дувакина «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам» данные мотивы зафиксированы как: M78. Крохотный мальчик; K8C. Иона: проглочен наземным животным; K8c4. Лось гибнет, проглотив мышь; E9. Неведомая хозяйка – собака; E9D. Волшебная жена – собака (Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: аналитический каталог. <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>).

Изучение мотивов и деталей текстов о Вше (Куропатке) в связи с этнографическими сведениями по юкагирам и другим народам с учетом схожих мотивов в разных фольклорных традициях указывает на семантику этого героя как наделенного магическими возможностями. Рассмотрим эти сегменты сюжета.

Призывание ветра и полет посредством него. В двух юкагигских вариантах из четырех герой улетает на охоту и прилетает обратно, клича ветер (Фольклор юкагигов..., 1989, ч. 1, тексты № 20, 33). В одной сказке прямо сказано, что герой привлекает северный и южный ветры, причем свои заклинания, как следует из изложения их в столбчатой форме и из комментария к тексту, он оформляет в песенном виде (Фольклор юкагигов..., 1989, ч. 1, текст № 33, с. 159). В якутском фольклоре старик Заячий Хвост, напевая, вызывает пургу и вьюгу, затем героя подхватывает «страшный ветер» (Якутские народные сказки, 2008, с. 229-233). В другом якутском варианте сюжета старик Быт-Быт призывает для полета на охоту западный ветер, а в обратную сторону – восточный, называя их друзьями: «Друг мой, Гудом Гудящий! Друг мой, ревом Ре-вущий!» (Якутские сказки, 1964, т. 1, с. 181).

Этнограф Л. Н. Жукова так комментирует одну из юкагигских сказок о старичке-Вше: «Пэмэ, очевидно, обладал шаманскими способностями. Согласно шаманским представлениям юкагигов, шаманы могли вызывать ветер» (Фольклор юкагигов..., 1989, ч. 1, с. 143). Интересно, что в традиционном мировоззрении селькупов силу шамана ассоциировали с ветром, называя «ветер бубна» (Степанова, 2008, с. 108). Исследуя образ матери-прародительницы у этого народа и образ ветра как одну из ее ипостасей, О. Б. Степанова отмечает: «Функция духа-ветра ("съедающего" ветра) в фольклоре – переносить героев из одного мира в другой, а значит, она связана со смертью и воскресением, совпадая в этом с главной функцией великой матери-предка» (2008, с. 109). Она пишет, что ветер в числе других образов мифической матери селькупов – в то же время образ души человека и инобытийная форма жизни (Степанова, 2008, с. 113). Похожие представления о ветре как пограничной ситуации, вероятно, существовали у лесных юкагигов. В их фольклоре немало примеров, когда на фоне ветра происходит встреча со сверхъестественным: например, когда герой идет к Хозяину Земли, «ветер поднялся, снег выпал» (Фольклор юкагигов..., 1989, ч. 2, текст № 38), во время прихода к жадному рыбаку духа шамана в облике быка «ветер пришел, гром слышится» (Фольклор юкагигов..., 1989, ч. 2, текст № 46).

Появление в юкагигской сказке мотива перемещения посредством ветра, вероятно, произошло под влиянием воззрений на него как олицетворения границы между мирами, пограничного состояния, что подтверждается призыванием героя разных ветров: он кличет одновременно и северный, и южный ветры (Фольклор юкагигов..., 1989, ч. 1, текст № 33); в другой сказке, как понимается из текста, для отлета он пользуется одним ветром, а для прилета – иным, снизу дующим. Ветер снизу в свете вертикальной модели мира можно трактовать как южный ветер, что в контексте возвращения домой соотносится с благоприятным вектором. В мифологической картине мира юкагигов север и юг находятся в оппозиции по отношению друг к другу как маркеры отрицательного и положительного (Фольклор юкагигов..., 1989, ч. 1, с. 155-156). В этой связи заметим, что южный ветер имел положительную семантику в мировосприятии обских угров. Особенностью их похоронного обряда, при котором сжигали изображение, сделанное из волос или одежды покойного, и шалашик, куда это изображение помещали и где «у входа клали убитую утку головой на север», было то, что «делали это только весной, когда прилетят утки (поэтому, если человек умер осенью или зимой, изображение хранили

в доме), и обязательно при южном ветре, чтобы душа могла добраться вместе с утками в мир духов» (Новик, 2004, с. 180-181). В якутской сказке противопоставлены западный и восточный ветры – в традиционной картине мира якутов запад и восток, наряду с севером и югом, составляют полярные стороны света (Новик, 2004, с. 27). В юкагирском фольклоре запад и восток тоже образуют дуальную пару как отрицательно и положительно отмеченные направления. В сказке юкагириров передвижение с помощью ветра не осмысливается прямо как переход в иной мир, но в своей основе, по всей видимости, связано с ним. Этот мотив сохраняется в нарративе в качестве признака исключительных возможностей персонажа.

Пение героя. Магизм ситуации проявляется и в пропевании закличек для ветра, что сопоставимо с тем, как поет шаман во время камлания, в частности в начале его, когда призывает духов (Иохельсон, 2005b, с. 273-274, 280, 285). Поет, клича пургу и вьюгу, и герой якутской сказки Заячий Хвост (Якутские народные сказки, 2008, с. 229-233). В юкагирском фольклоре много примеров, когда магическое пение сопровождает важные моменты, которые переживают персонажи, обладающие чудесными свойствами. Так, поют сестры, улетающая на кроильной доске от старшей сестры – людоедки (Жукова, Прокопьева, 1989, текст № 19; Прокопьева, 2018, Приложение, текст № 19);

К слову, обращает на себя внимание еще одна песенная вставка в одном из вариантов сказки, где о старике-Куропатке и старушке-Лисичке поется: 'Была у них вшивая, вшивая собака, / Был у них наперсток, наперсток с нартами, / Была [у них] игла, игла с остолом' (Фольклор юкагириров..., 1989, ч. 1, текст № 33). На наш взгляд, данное песенное сообщение можно рассматривать двояко. С одной стороны, это дополнительная информация о маленькой величине героя, который, по сказке, летит на охоту, сидя на листе, имеет нож из чешуи караса, танцует на краю котелка. С другой – отдельные из перечисленных предметов могут служить подтверждением шаманской силы героя. Так, в юкагирском фольклоре наперсток и кроильная доска ассоциированы с магическим передвижением – вместе они идентичны транспортному животному и нарте (Иохельсон, 2005b, с. 350-354), а кроильная доска, связанная с женской шаманской практикой (Фольклор юкагириров..., 1989, ч. 1, с. 133; Прокопьева, 2023, с. 26), отдельно применяется для магического полета (Жукова, Прокопьева, 1989, текст № 19; Прокопьева, 2018, Приложение, текст № 19). Иголочка из песни, соответствующая остолу – шесту для управления нартами, так же как и наперсток и кроильная доска, относится к числу «женских» предметов, поэтому ее тоже можно расценивать как некий чудесный предмет.

Переправа на лодке. Понимая перемещение с ветром исходно как путешествие в другой мир, так же можно обосновать использование героем лодки для возвращения домой. В одной из сказок мысль Вши о лодке, вербализовавшись, делает реальностью этот нужный ему предмет (Иохельсон, 2005а, текст № 10). По В. Я. Проппу, в сказке «все способы переправы имеют одинаковое происхождение: они отражают представление о странствовании умершего в загробный мир» (2000, с. 182). В сказочной традиции юкагириров отмечается плавание в лодке в иной, враждебный, мир и обратно: на лодке людоедка увозит мужчину к себе на другую сторону моря, а когда он расправляется с ней, лодка сама, по велению героя, доставляет его назад (Иохельсон, 2005а, текст № 4; Bogoras, 1918, p. 97-99).

Отражение воззрений на передвижение на лодке в загробный мир обнаруживается непосредственно в похоронной практике лесных юкагириров: покойного помещали внутрь долбленного челнока (Иохельсон, 2005b, с. 307).

Добыча животного изнутри него. Помимо зазывания в песенной форме ветра и овеществления лодки, с помощью которых персонаж переносится в другое место, есть еще один момент, который может интерпретироваться в контексте шаманской деятельности и измененного состояния: когда олень или лось случайно съедает героя, прилипшего к листу (тальнику), тот, будучи внутри животного, убивает его (Иохельсон, 2005а, текст № 10; Фольклор юкагириров..., 1989, ч. 1, тексты № 20, 33). Касательно данного момента охоты Л. Н. Жукова отмечает: «Известный в фольклоре народов Сибири шаманский прием добычи промыслового животного или борьбы с противником» (Фольклор юкагириров..., 1989, ч. 1, с. 144).

Временное нахождение внутри животного, приравненное к ситуации смерти и возрождения, сопоставимо с фольклорной интерпретацией обряда инициации. Е. М. Мелетинский, исследуя сюжет о пребывании героя палеоазиатского эпоса Ворона в чреве кита, пишет: «Проглатывание и выплевывание – важнейший символ инициации как временной смерти в чреве чудовища с последующим обновлением. <...> Мотив “охоты изнутри”, по-видимому, есть уже преобразование исходного образа проглатывания/выплывывания. Способность проникнуть в чрево кита и остаться живым является проявлением шаманского искусства, но вместе с другими проявлениями шаманской мощи Ворона в значительной мере переосмыслена как трюк» (1979, с. 29, 197, 208).

Рассматриваемый мотив нахождения внутри животного можно сопоставить еще с обрядом погребения, где покойника облачали в шкуру тотемного животного, который практиковали разные народы. Что касается его отражения в фольклоре, где он связан с мотивом переправы героя, по этому поводу В. Я. Пропп писал: «...источником мотива героя, залезающего в труп животного или зашивающего себя в него, являются похоронные обряды, некогда отражавшие представление об единности с животным после смерти и прошедшие скотоводческую стадию» (2000, с. 182).

Положение лежа. Данный элемент сюжета не наблюдается в юкагирской сказке, однако эта деталь, в которой можно усматривать еще одно свидетельство шаманских умений героя, присутствует в якутском фольклоре: герой перед тем, как вызвать ветер, просит своих жен вынести его на улицу и положить там на снег (Якутские народные сказки, 2008, с. 229-233). При этом старик Заячий Хвост обращается к женам: «Молодцем-парнем стану, / С охотничьей добычей, / Может, вернусь дэ!» (Якутские народные сказки, 2008, с. 229). Таким же образом – ложится на землю – поступает герой Дубеглеш из другой юкагирской сказки (Фольклор юкагириров..., 1989, ч. 1,

текст № 24). Когда жена выгоняет его из дома из-за того, что он не ходит на охоту, Дубеглеш идет и в одном месте ложится ничком. Лось спрашивает у него, что он делает, тот отвечает, что лечится. Лось просит вылечить и его, тогда Дубеглеш привязывает животное к дереву и убивает ножом. Вернувшись домой, Дубеглеш велит жене приготовить еду, так как к нему придут товарищи. Приходят семь Сказочных Стариков (Сказочный Старик *Чульдьиш Пулут* в фольклорной традиции лесных юкагиров – это великан-людоед), едят, идут домой и умирают. Дубеглеш забирает их богатство. Насчет лежания героя Л. Н. Жукова отмечает, что «лицом вниз лежат “смотрящие” шаманы, когда осуществляют шаманское действие. Так же хоронят юкагиры сильных шаманов» (Фольклор юкагиров..., 1989, ч. 1, с. 147). Она допускает, что герой обладает шаманскими способностями, ведь после этого он добывает лося, убивает Сказочных Стариков и получает богатство (Фольклор юкагиров..., 1989, ч. 1, с. 147). Можно провести параллель между благополучным промыслом на лося Пэмэ и Дубеглеша.

Таким образом, в юкагирской сказке о маленьком добытчике лося, как и в якутской, выделяются следующие значимые для понимания семантики образа героя мотивы и моменты: призывание ветра и полет посредством него, пение героя, добыча животного изнутри него. В одном из юкагирских вариантов чудесному перелету с помощью ветра по смыслу тождественна переправа на лодке. Отметим, что лежание героя в одной из якутской сказок, предшествующее успешной охоте, можно сопоставить с поведением другого персонажа юкагирского фольклора – Дубеглеша, который после того, как полежал ничком, также, пусть и иным способом, удачно добывает лося. В целом сегменты сюжета характеризуют героя как наделенного магическими способностями.

Заключение

Юкагирские версии сюжета о маленьком охотнике, вероятно имеющем зооантропоморфную природу, в основном схожи с якутскими его вариантами: в них предстает герой небольшого размера (часто крошечный – Вошь), обычно многоженец, который перемещается с помощью ветра, проводит успешную охоту на лося, но в конце сказки нелепо погибает. Особенности фольклорного материала лесных юкагиров являются использование Вошью лодки с целью возвращения домой в ранней записи сюжета, что семантически соответствует передвижению посредством ветра; представление героя в виде такого животного, как Куропатка (можно сопоставить с якутским Заячьим Хвостом), герой с женой владеет имуществом, свидетельствующим о магическом потенциале хозяев (наперсток с нартами, игла с остолом); смерть жен (жены); контаминация сюжета с другим, в частности тем, где рассказывается о девушке, превратившейся в собаку.

Анализ юкагирских текстов позволяет сделать вывод о том, что в сказке о маленьком добытчике лося действует герой, обладающий магическими умениями: он управляет ветрами; пользуется ими для реализации задуманного перелета, причем в зависимости от направления – за пределы своей территории или домой – вызывает конкретный ветер; может воплотить в действительность несуществующий предмет – лодку, также употребляя ее для переправы в родное место; прибегает к шаманским методам уничтожения оппонента – изнутри животного. Эти способности восходят к представлениям о переходе из «своего» мира в «иной», о жизни и смерти.

Однако сверхъестественный дар героя нивелируется сказкой, смещающей содержательный акцент на его миниатюрность (он мыслится как Вошь, прилипает к листу, съедается животным, имеет нож из чешуи карася, летит на листке), которая в итоге становится причиной нелепой гибели персонажа: встав на край кипящего котелка, он радуется добыче (поет или танцует) и падает в него. Сосредоточенность сказки на внешних данных героя (на что, возможно, указывает также отсутствие в одном из поздних ее вариантов мотивов перемещения посредством ветра, охоты на животное изнутри него) позволяет воспринимать ее как шуточный сюжет, небылицу.

По всей видимости, сказка о маленьком промысловике служит одним из примеров переосмысления, с утратой мифологического подтекста, фольклорного повествования, что еще раз подтверждает многосложность, интересность и самобытность устного народного творчества. В изучении семиотики сказочных текстов на малоизученном юкагирском материале видится перспектива дальнейших исследований.

Источники | References

1. Голованева Т. А. Сюжет корякской сказки о мышатах, подвешенных к дереву: генезис и этнографический контекст // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1.
2. Жукова Л. Н. Злокозненные силы в традиционных верованиях и фольклоре лесных юкагиров // Вестник Томского государственного университета. История. 2022а. № 77.
3. Жукова Л. Н. Очерки по юкагирской культуре: в 3-х ч. Новосибирск: Наука, 2012. Ч. 2. Мифологическая модель мира.
4. Жукова Л. Н. Юкагирско-китайские фольклорно-мифологические параллели (к постановке вопроса). СПб.: Свое издательство, 2022b.
5. Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В. Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005b.
6. Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н., Плотников И. М. Обско-угорская сказка о кукушке: вариативность сюжета и архетипические мотивы // Этимология как образ жизни: коллективная монография к 70-летию академика А. Е. Аникина / отв. ред. И. Е. Ким; Институт филологии СО РАН. СПб.: Алетейя, 2023.

7. Мелетинский Б. М. Поэтика мифа. Изд-е 3-е, репринт. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.
8. Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М., 1979.
9. Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур. М.: Вост. лит., 2004.
10. Прокопьева П. Е. Образ Росомахи в фольклоре лесных юкагигов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 3.
11. Прокопьева П. Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. Новосибирск: Наука, 2009.
12. Прокопьева П. Е. Песенные вставки в сказочном фольклоре лесных юкагигов // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2.
13. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000.
14. Степанова О. Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008.
15. Торокова Е. С. Хакасские параллели к юкагирской сказке «Петр Бэрбэкин» в области мифологических представлений // Современное юкагиrowедение в контексте арктических исследований: материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 85-летию известного юкагирского ученого, поэта, общественного деятеля Гавриила Николаевича Курилова-Улуро Адо (г. Якутск, 27-28 апреля 2023 г.). Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2023.
16. Фольклор юкагигов Верхней Колымы: в 2-х ч. / сост. Л. Н. Жукова, И. А. Николаева, Л. Н. Дёмина. Якутск: Изд. Якутского госуниверситета, 1989. Ч. 1-2.
17. Якутские народные сказки / сост. В. В. Илларионов, Ю. Н. Дьяконова, С. Д. Мухоплева. Новосибирск: Наука, 2008.
18. Uther H.-J. The Types of International Folk Tales: A Classification and Bibliography Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson: in 3 Pts. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2004. Pt. 1.

Информация об авторах | Author information

Прокопьева Прасковья Егоровна¹, к. пед. н.

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск

Praskovya Egorovna Prokopena¹, PhD

¹ Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk

¹ pproe@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.04.2024; опубликовано online (published online): 04.06.2024.

Ключевые слова (keywords): юкагирская сказка; якутская сказка; сюжет сказки; мотив; семантика фольклорного образа; маленький охотник на лося; Yukaghir fairy tale; Yakut fairy tale; plot of fairy tale; motif; semantics of folklore image; small moose hunter.